

А.А. ХЛЕВОВ*

ВАРВАРСКИЙ ПОЛИТОГЕНЕЗ ПОСТРИМСКОЙ ЕВРОПЫ: МОДЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация. Политическое настоящее Европейского континента в географическом его понимании в решающей степени определяется исторической ретроспективной и традициями, которые в основном берут свое начало от рубежа Античности и Средневековья. Складывание комплекса европейских этнорегиональных идентичностей в основной своей массе произошло во второй половине I тыс. н.э., а окончательно он оформился в Новое время. Именно поэтому стартовый этап «рождения Европы» теснейшим образом связан с проблемами постримского влияния, или прямой римской традиции, а также региональными особенностями самих варварских социальных организмов, которые порой были исключительно вариативны. Базовое разделение на западнороманскую и восточнороманскую модели раннего политогенеза (по Г.С. Лебедеву), без сомнения, нуждается в множественных уточнениях. В статье, с опорой на эвристический потенциал концепции С. Роккана и С. Липсета, прежде всего концептуальную карту Европы, экстраполируемую на более ранние эпохи, предпринята попытка детализации геополитической карты Темных веков и раннего Средневековья в целом, корреляции шести географических кластеров с процессами политогенеза в постримской Европе. В фокусе внимания оказывается роль имперского наследия в формировании ранних варварских королевств. Методологической основой анализа раннего политогенеза выступает концепция доминирования военного фактора в создании и трансформации социальных и политико-административных структур варварских

* **Хлевов Александр Алексеевич**, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; профессор кафедры истории и международных отношений, филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе (Севастополь, Россия), e-mail: hlevov@mail.ru

королевств и раннесредневековых государств (Ч. Тилли, Ф. Стентон, Ч.У. Холлистер, Ш. Пти-Дютайи и др.). Также отмечается, что «франкская модель», дополненная менее жизнеспособными ост-, вестготской и бургундской, отчетливо противостоит северо- и восточноевропейским моделям финала раннего Средневековья. Ключевое значение в статье придается определению границ регионов и качественных различий римского наследия внутри них, а также особенностям варварских систем социально-политической самоорганизации. Основной задачей является уточнение и детализация картины «двух Европ», определенных линией римской границы и оказывающих решающее влияние на политические события современности и обозримого будущего.

Ключевые слова: ранний политогенез; постримская Европа; Римская империя; варварские государства; концептуальная карта Европы; Большое Средиземноморье; Северная Европа.

Для цитирования: Хлевов А.А. Варварский политогенез постримской Европы: модели и результаты // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 138–156. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.05>

Размышления о современной политической ситуации, ее сущности и перспективах со всей неизбежностью приводят аналитика к истокам и праформам. «Каждая культура есть осадок истории», – заметил К.К.М. Клакхон, имея в виду максимально расширенное, антропологическое понимание термина «культура» [Клакхон, 1998, с. 49]. Нет сомнения, что истоки большинства современных противоречий имеют глубокую историческую подоплеку. Определение ее истинной глубины, адекватная оценка реального воздействия прошедших исторических катаклизмов на современность – задача непростая, связанная, в частности, с верификацией и обоснованием методологических подходов.

Одной из концептуальных «развилок» является отношение к античному наследию в современности. Формально отвергнувшая ценности Античности, Европа через тысячу лет активно взялась за их возрождение на всех уровнях. Результатом стало то, что образ «реконструируемой Античности» (вне зависимости от степени его истинности) примерно на три столетия – до конца эпохи Просвещения – стал непререкаемым эталоном для подражания и рефлексии. Как роль античного наследия, так и степень его адаптации европейской культурой под сомнение не ставились. Особенно наглядно это проявилось в области политической мысли и политической практики – от эксплуатации античных идей о государственном устройстве в трудах мыслителей XV–XVIII вв. до конкретных

экспериментов с республиканскими моделями систем управления, которые всегда имели прямые античные коннотации.

Как известно, кризис разразился с утверждением в постнаполеоновской Европе моды на ценности, условно определяемые как «романтические». Этот процесс вышел далеко за рамки романтизма поэтов и живописцев, а также авторов жанра исторического романа (В. Скотт, А. Дюма, В. Гюго, Г. Сенкевич и пр.). Суть поворота была куда глобальнее, и заключалась в концептуальном сомнении в объеме и ценности античного наследия. Аутентичное «европейское» наследие, восходящее к варварской Европе, стало восприниматься как самодостаточное, самоценное, вполне удовлетворительно объясняющее особенности пути европейских наций. Здесь работали два механизма: некоторое разочарование в универсалиях античного общества и многочисленные впечатляющие открытия, свидетельствовавшие о яркости и самобытности культуры варварской «Старой Европы» – с одной стороны, а также концептуальное переосмысление механики преемственности между великими культурами – с другой.

Наиболее последовательную критику последней дал, без сомнения, О. Шпенглер – основываясь именно на прецеденте смены античной формации Средневековьем [Шпенглер, 1998]. Европейский мир, в глазах Шпенглера, технически не мог унаследовать что-либо существенное от позднеантичного мира, поскольку создавался обществами, имевшими концептуально иную культуру. Внешние формы и атрибуты Античности, если и использовались, то не влияли на сущностную основу средневекового мира. «Отсечение корней», столь радикально произведенное немецким мыслителем, имело серьезные гносеологические основания, однако и его, и нашими современниками воспринимается обычно как слишком решительный шаг. Как и столетие назад, речь идет о том, чтобы верно оценить удельный вес наследия античной цивилизации в отдельных сегментах культуры нового средневекового мира.

Политическое настоящее Европейского континента, в географическом его понимании, в решающей степени определяется исторической ретроспективой и традициями, которые берут свое начало именно от рубежа Античности и Средневековья. С методологической точки зрения представляется любопытной экстраполяция «модели размежеваний» Роккана – Липсета [Аллардт, Вален, 2006; Ильин, 1995; Ильин, 1996; Ильин, Барсукова, 2019; Ларсен,

1995; Политическая наука..., 2004; Eisenstadt, Rokkan, 1973; State Formation..., 1999] на более ранние периоды. Да, авторы этой концепции рассматривали преимущественно период Нового и Новейшего времени, однако единожды открытый механизм размежевания может быть осмыслен и в приложении к другим эпохам. В частности, разрыв с имперским образом жизни южной части континента и еще более травматичный разрыв с родовым прошлым – для северной, без сомнения, синхронизируются в единое размежевание, куда более реальное, чем континуитет между Античностью и феодализмом.

Поздне- и постимперское пространство IV–V вв. ни в какой мере не обладало теми политическими характеристиками, которые будут свойственны ему уже через четыре-пять столетий, в финале раннего Средневековья. Складывание комплекса европейских этнорегиональных идентичностей, политических и административных границ, культурных сообществ, в основной своей массе произошло во второй половине I тысячелетия н.э., а окончательно он оформился уже в Новое время. Именно в силу этих причин стартовый этап «рождения Европы» теснейшим образом связан с проблемами постримского влияния, или прямой римской традиции, а также региональными особенностями самих варварских социальных организмов, которые порой были исключительно вариативны.

Базовое разделение на западнороманскую и восточнороманскую модели раннего политогенеза (по Г.С. Лебедеву) [Лебедев, 1985, с. 6–13; Лебедев 2005, с. 30–32], без сомнения, нуждается в множественных уточнениях. Да, безусловно, граница, делящая политическое пространство континента на Запад и Восток, оставалась актуальной во все времена – как в позднем Риме, так и после его окончательного разделения и падения Западной империи.

С одной стороны, политическое влияние Запада на варварский мир к середине V в. фактически прекратилось. Впрочем, доставшиеся варварским лидерам, «имплантированные» в их квазигосударства элементы римской политической системы продолжали, так или иначе, свою жизнь на службе новым хозяевам. Однако подлинное политическое влияние, всегда связанное с наличием четко локализованного центра властных полномочий и инициатив, сошло на нет.

С другой стороны, политическое влияние Константинополя и Восточной империи, после некоторого спада в том же V в. (спада

весьма относительного – империя продолжала манипулировать варварскими вождами в широчайших пределах), лишь усилилось. Политическая «линия Юстиниана», прерываясь на время узурпаций, экономических кризисов и вторжений новых противников – таких, как арабы – продолжала выдерживаться и проводиться в жизнь, в сущности, до конца существования империи.

Сущность этого влияния по умолчанию была разной. Византийское наследие основывалось на фундаменте древневосточных политических систем, основными чертами которых были коллективизм и высокая степень распространенности групповых идентичностей, склонность к деспотическим моделям организации вертикали власти и высокая роль религиозно-сакрального фактора в политической жизни.

Запад, безусловно испытывавший на себе аналогичные влияния в период эллинизма и последующие века, тем не менее сохранил прослеживающиеся еще с Эгейского периода и Минойской цивилизации типические черты – общественную парцелляризацию и индивидуализм, а также скромную, если не сказать подчиненную, роль религиозного фактора в общественной жизни. С VIII–VI вв. к ним добавляются весьма успешные эксперименты с организацией политической власти на демократической основе, следы которых не были уничтожены даже в имперский период. Империя внутри себя продолжала оставаться республикой, несмотря ни на что. Следы этого прослеживаются даже в Юстиниановой империи.

Поэтому очень актуален разговор о двух весьма различных по своей сущности Средиземноморьях как источниках весьма разной формирующей инициативы для политического пространства постримской Европы. Однако эта система имела и иные границы, которые представляются не менее любопытными и действенными.

Напрашивается выделение наиболее значимой для европейского пространства и исключительно важной границы, проходящей по Рейну и Дунаю. В действительности римский лимес, в самом общем смысле этого термина, предельно четко отграничивал освоенное римлянами пространство от варварского мира, деля Европу в широтном направлении на два принципиально разных сообщества. Это деление во всех смыслах – этническом, культурно-ценностном, пищевом, языковом, вероисповедальном и прочих – продолжает сохраняться и сейчас [Хлевов, 1997, с. 125–130; Хлевов, 2002; Хлевов, 2006; Хлевов, 2008]. При этом очевидно, что политические

модели и ценности Северной и Южной Европы порой весьма значительно различаются между собой, тяготея к одному из двух предложенных вариантов. Однако ситуация середины I тысячелетия на самом деле была существенно сложнее.

Исключительно ценным и функциональным представляется в этом смысле наследие вышеупомянутого выдающегося норвежского политолога, социолога и историсофа С. Роккана. Его концепция трехчастного деления Европы, признававшая наличие имперской части, цивилизованной римлянами, варварской Европы, а также соединяющей их полосы римского лимеса – «транслятора цивилизации в варварство и варварства в цивилизацию» [Ильин, Барсукова, 2019, с. 9], своего рода плаценты, соединявшей эти два мира, отстоявших стадияльно друг от друга едва ли не на тысячелетия, – является удачной и работоспособной моделью. Последующее возникновение на месте этой полосы пояса городов в значительной степени объясняет интеграционные и цивилизационные процессы более поздней европейской истории.

Однако, как представляется, эта схема может быть детализирована, и вот почему. Очевидно, что пояс городов формируется как значимая часть европейской действительности достаточно поздно, в основном после X–XI вв. Вплоть до этого времени бывшие римские пограничные города, без преувеличения, «тонули» в море аграрной периферии. Наивно полагать, что натуральное хозяйство рейнско-дунайской зоны способно было прокормить сколько-нибудь существенный процент переориентированного на ремесло и торговлю населения до «бобовой революции» и прочих интенсификаций рубежа тысячелетий. Хотя, безусловно, жизнь в городах бывшего лимеса была относительно оживленной, они вряд ли могли затмить старые центры в Испании и Италии. Поэтому, не отрицая роли лимеса, мы должны вписать его в более широкий контекст.

Да, выделение варварской периферии, находившейся за лимесом и не испытавшей прямого римского воздействия, бесспорно и оправданно. Однако формирование феодальной системы проходило в совершенно различных условиях и внутри освоенного античной цивилизацией пространства. Совершенно очевидно, что оно четко подразделяется на две зоны. Первая из них была освоена греками и, позднее, римлянами – достаточно давно, в основном в период VII–II вв. до н.э. В результате Великой греческой колониза-

ции (дополненной финикийско-карфагенскими колониями) сформировалась та самая «кайма», пришитая к обширному плащу варварского мира, о которой рассуждал Цицерон [Кругликова, 2007, с. 7]¹. Уместно вспомнить и куда более ранние слова Сократа, приводимые Платоном: «Мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота» [Федон, 2007]. Таким образом, пространства вдоль берегов в Северном Средиземноморье оказались освоены греками до Южной Галлии (Массилия), а испанский участок к III в. до н.э. благополучно колонизировали карфагеняне. Очевидно, что в этой зоне политическое влияние античной цивилизации не достигало сколько-нибудь удаленных от моря пространств.

Свой – и, по сути, куда больший – вклад внесла римская колонизация. Римляне успешно включили в орбиту своего политического влияния Северную Италию (что характерно, на тот момент она воспринималась именно как Галлия – *Gallia Cisalpina*, а не как Италия). Узкую полосу приморских территорий Нарбоннской Галлии – по сути своей транспортный коридор с цепью корабельных стоянок – они освоили преимущественно в ходе Второй Пунической войны. А результатом этого конфликта к 201 г. до н.э. стало окончательное утверждение римского присутствия в Испании. При этом любопытно, что первоначальной и более глубокой романизации подверглись восточная и южная части Пиренейского полуострова. В глубинной же части Испании и на ее северо-западе – в западной части Тарраконской Испании и на севере Лузитании – романизация ощутило запаздывала. Весьма далеки от романизации оказались и горные баски, выглядевшие пятном в море римских провинций Запада. Впрочем, такое же запаздывание ощущалось и на островах Западного Средиземноморья – Балеарах, Корсике, Сардинии, – где у большинства местного населения продолжали сохраняться по преимуществу варварские порядки.

Хотя это и не относится к Европе в географическом смысле, но относится к Большому Средиземноморью и «античному политикуму»: побережья Северной Африки, издавна колонизированные финикийцами и карфагенянами, именно в этот период (по итогам

¹ См. также: Цицерон М.Т. О государстве // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». – С. 63. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Zizeron_O_gosudarstve.pdf (дата посещения: 07.10.2021).

Второй и Третьей Пунических войн), к середине II в. до н.э., стали зоной римского политического влияния и начали подвергаться романизации во всех аспектах этого явления. И, если говорить о побережье Африки, стоит отметить появление в восточной части Большого Средиземноморья двух очагов греческого влияния – Навкратиса и Кирены, с VII в. до н.э. остававшихся единственными форпостами греческих политий в восточном мире. Если допустимо говорить об «эллинизме до эллинизма», то именно эти города олицетворяют данный процесс в наиболее отчетливой форме. Но если эллинские города Восточного Средиземноморья возникали в первой фазе, фазе «старой Античности», то римская колонизация Западной Африки лежит уже на стыке выделяемых нами эпох, хотя и принадлежит скорее к первой: к рубежу эр провинция Африка была уже весьма глубоко романизированной зоной.

Обратим внимание, что территории в глубине Европейского континента еще на полтора столетия остались вне сферы прочного римского и, шире, античного влияния – вплоть до завоеваний Цезаря в 58–50 гг. до н.э. Именно тогда границы античного мира впервые достигли берегов Рейна, а столетием позже были раздвинуты за море, на Британские острова (при Гнее Юлии Агриколе в 50–70-х годах).

Заметим, что и Дунай был достигнут римлянами далеко не сразу. Так, провинция Мёзия завоевывалась и покорялась между 75 г. до н.э. и 46 г. н.э. Реция была присоединена между 15 г. до н.э. и 40-ми годами н.э.; одновременно началось и чуть раньше закончилось присоединение Норика; около 10 г. н.э. была образована провинция Паннония. Таким образом, достаточно обширные пространства, не входившие непосредственно в приморскую зону, были освоены античной цивилизацией весьма поздно – в сущности, только в I в. н.э. Даже при беглом взгляде на карту очевидно, что территориально они почти равны пространству «старой Античности».

Таким образом, политогенез на пространствах Европы протекал с этой точки зрения в трех широтных зонах, несколько смещенных диагонально на карте, поскольку свое влияние оказывали климатические и температурные, в первую очередь, условия, напрямую влиявшие на урожайность и жизнеобеспечивающие качества территорий. Проникновение античной цивилизации на

север в западной части континента было в силу этого куда более глубоким.

Из этого вытекает вполне очевидный вывод. Пространство постримской Европы, как в общеисторическом, так и в политическом смысле отчетливо делится на шесть зон. В меридиональном смысле их деление обеспечено разграничением Восток – Запад. В широтном же определяется тремя зонами условной «романизации», если точнее – совокупной античной преемственности. Таким образом, мы имеем перед собой исторически сформировавшиеся шесть кластеров постантичного и / или раннесредневекового политогенеза. Они образуются наложением этих зон друг на друга. Навивно было бы полагать, что эти шесть регионов имеют четкие очертания, привязанные к каким-либо политическим или административным границам – нам очевидна условность и историческая изменчивость любых границ. Кроме того, на очертания означенных кластеров оказывали комплексное влияние многочисленные факторы: экономика, интеллектуальное и психологическое наследие местных аборигенных народов, административные нюансы в рамках отдельных провинций, внутренняя политика империи, в том числе многочисленные политические неурядицы и кризисы I–IV вв. Самое важное то, что с момента обрушения лимеса и начала массового вторжения варваров в 405 г. (375 г. в этом смысле имел куда меньшее и локальное значение) перемещения племен в пределах этих кластеров раз за разом меняли ситуацию, корректируя взаимодействия варварской административной традиции с римским политическим наследием в рамках раннего политогенеза. Поэтому имеет место определенная корреляция динамики пределов этих шести кластеров политогенеза в процессе их формирования и созревания внутри империи и за ее границами с тем, что творилось в Европе после начала активной фазы Великого переселения народов.

Условная нумерация этих кластеров может облегчить дальнейшие рассуждения и выглядит следующим образом.

1. Старый античный Запад – Италия, Далмация, Цизальпина, Нарбонн, Испания и западное побережье Северной Африки.

2. Западная зона вторичной романизации – Галлия, земли до дельты Рейна включительно, римская Британия, Реция, Норик, Паннония.

3. Варварский Запад – Ирландия (Иберния), Шотландия (Каледония), Германия (в римском смысле этого слова). То есть ус-

ловные остатки нероманизованного кельтского мира и весь германский мир.

4. Старый античный Восток – Греция (Ахайя, Эпир, Македония в римском административно-политическом понимании), Малая Азия, Ближний Восток, острова Восточного Средиземноморья, Египет и Киренаика.

5. Зона северобалканской и черноморской эллинизации и романизации – Мёзия, Фракия, Дакия, западный, северный и восточный берега Черного моря и Меотида.

6. Варварский Восток – пространства Восточной Европы за Дунаем и далее на восток, мир зарождающихся славянских, иранских, балтских, финно-угорских и проникающих сюда тюркских племен.

Выделенные нами кластеры не являются игрой ума. Как выясняется, они раскрывают многие происходившие в раннем Средневековье события и процессы. Рассмотрим под этим углом историю варварских королевств.

Возвращаясь к методологии, отметим, что нам кажется исключительно плодотворным подход, обнаруживающий основную причину возникновения варварских королевств в комплексе военно-политических и военно-технических вызовов. Необходимость экипировки и содержания весьма затратных контингентов тяжелой кавалерии (которую обусловило наличие конной угрозы с Востока и общие сдвиги в военном деле) наложила на крайне примитивную материальную и производственную базу и дефицит основных ресурсов (в особенности железа). Ответом стало формирование пирамидальных социальных структур, в которых земельный фонд с прикрепленным к нему низкостатусным населением являлся основой поддержания боеспособности статусных всадников. Эта идея звучала как у Ф. Энгельса и его последователей-марксистов [Разин, 1999, с. 11], так и в трудах историков критического направления в англо-американской и французской историографии (Ф. Стентон, Ч.У. Холлистер, Ш. Пти-Дютайи) [Пти-Дютайи, 1938; Гутнова, 1985, с. 449]. В области политологии данный концепт блестяще разработал Ч. Тилли, утверждавший, что «война создает государства». Его рассуждения о государстве как системе узаконенного насилия, о роли вооруженного покровительства и альтернативной угрожающей силы, о «законном» и «незаконном» принуждении развивают отдельные идеи Ф. Броделя и Л. Стоуна и приво-

дят их в лаконичную и стройную систему [Tilly, 1985; Тилли, 2009]. Разумеется, данная схема не абсолютно универсальна: вряд ли она способна объяснить возникновение первых речных цивилизаций. Однако применительно к постримской Европе она работает блестяще.

К числу наиболее ранних варварских королевств относятся государства ост- и вестготов. Оба племени, с первой половины II в. находившиеся в орбите сильнейшего античного влияния в Северном Причерноморье и Крыму (пятый кластер в нашей классификации), уже к началу своих завоеваний получили серьезный опыт взаимодействия с политической системой империи и вассальных ей Херсонеса и Боспора. Не случайно к моменту гуннского вторжения мы имеем дело с некой «державой Германариха». Было бы наивно видеть в этом племенном союзе нечто подлинно государственное, однако нет ни малейших сомнений в том, что в области политогенеза готы продвинулись вперед, возможно, куда больше остальных племен германцев. Еще большее воздействие оказали на них последующие три десятилетия обитания на Балканах в качестве римских федератов – по своей сути мягкая (поневоле) адаптация римлянами очередного варварского племени, сопровождавшаяся неизменной романизацией и христианизацией. Неудивительно, что к 418–419 гг., дате формальной уступки императором Гонорием земель Аквитании вестготам, последние были в достаточной степени пропитаны римской политической традицией, чтобы по крайней мере грамотно использовать навыки римской административной прослойки в управлении государственным механизмом. Однако вынужденное переселение вестготов, вытесненных франками, в Испанию, сыграло им несомненно на руку. Вестготское королевство утвердилось в том самом первом кластере давнего и глубокого цивилизационного наследия и ранней романизации. Им достались густонаселенные области с населением, привычным к государственной традиции куда больше, чем покорившие их вестготы, окончившие лишь «первые классы» политической традиции. В результате вестготское королевство, с одной стороны, стало весьма успешным образцом варварского государства, просуществовав формально ровно 300 лет. С другой стороны, первая же серьезная попытка Юстиниана в VI в. вернуть земли Испании под имперский скипетр встретила достаточно позитивный отзыв со стороны местных жителей, более привычных к политическому существованию в

империи, чем к объективно неуклюжим управленческим решениям готских королей. Результатом этого и стало кратковременное возвращение восточной и юго-восточной прибрежной части Пиренейского полуострова под власть Византии. Как известно, основным фактором, погубившим вестготов в ходе арабского вторжения, было самоубийственное с точки зрения внутренней политики, исключительно долгое поддержание этнокультурной сегрегации между местным населением и готской верхушкой. В то же время вышеупомянутый северо-западный участок полуострова, наиболее слабо романизованный, оказался занят свевами – племенем, куда более далеким от римского опыта. Закономерным следствием сочетания минимально романизованного населения с минимально же романизованными завоевателями стало незначительное участие Свевского королевства в европейской политике и его относительно быстрое поглощение вестготами.

Королевство остготов само по себе возникло как плод одновременно внешне- и внутривосточной интриги императора Зенона и Восточной империи против узурпатора Одоакра и контролируемой им Италии. Поэтому остготы в еще большей степени соприкоснулись с политической системой Рима и, в дополнение, оказались в самом ядре первого кластера, унаследовав Апеннинский полуостров и балканские провинции Западной империи. Неудивительно поэтому, что влияние римских институтов на политику остготского двора было наивысшим по сравнению с другими варварскими королевствами. По сути, мы имеем дело с попыткой готского ренессанса, пусть внешним, но целенаправленным копированием римской традиции правящей верхушкой. А падение королевства Теодориха-Тейи, несмотря на отчаянное сопротивление остготов, имеет внутри себя тот же механизм соглашательства и симпатии бывших римских граждан к «подлинному» имперскому наследию, олицетворявшемуся Юстинианом.

Нечто среднее представляла собой политическая история вандало-аланского королевства. Ни вандалы, ни аланы не располагали возможностью длительного контакта с римским миром, однако унаследовали земли в Северной Африке, уверенно относимые к первому кластеру. В результате столь кардинального расхождения политических навыков и менталитета пришлых и аборигенных этнокультурных групп внешне достаточно сильное и агрессивное варварское государство рухнуло в ходе единственной византийской

военной кампании, а население с большей или меньшей радостью воссоединилось с привычным ему политическим пространством.

В противовес приведенным примерам, королевство бургундов, организованное на землях преимущественно второго кластера, получило в наследство поверхностно романизованное население. Сами бургунды в силу удаленного расселения (Скандинавия – Борнхольм – Померания и Мекленбург, граница третьего и шестого кластеров) были весьма далеки от римской политической традиции. Следствием этого стала непрочность и слабая жизнеспособность этого королевства, разгромленного сначала гуннами, а затем – уже окончательно – франками.

«Франкская модель» наиболее интересна. Франки, как и готы, с начала III в. были вовлечены в орбиту римской политики и взаимодействовали с римскими институтами. Однако они расселились преимущественно на землях второго кластера, романизованных относительно поздно, хотя и глубоко. Войны с готами и бургундами расширили эту территорию, добавив земель как второго, так и первого кластеров. Однако фактор географического расположения и исключительной прозорливости франкских правителей (в первую очередь Хлодвига) обеспечил этому королевству особую судьбу – как известно, франкам единственным удалось сохранить свою государственность в водовороте переселений и раннесредневекового немирья. Основными факторами выживаемости стали два политических решения – ранняя отмена сегрегации (курс на ассимиляцию франков и галло-римлян) и ясная ориентация на ортодоксальный католицизм.

В V–VI вв. на землях второго кластера сложилась Гептархия – конгломерат малых королевств англов, саксов и ютов. Как и у бургундов, поверхностная романизация местного субстрата дополнялась особенностями политической культуры германских переселенцев. Выживаемость этих государств до конца VIII в. определялась абсолютной примитивностью их противников – скоттов, ирландцев и валлийцев. У этих племен – классических представителей третьего кластера – процессы политогенеза, не отягощенные римской традицией, так никогда и не были завершены. Последующая экспансия скандинавов была конфликтом либо внутри третьего кластера (с кельтами), либо с мало что могущими противопоставить в плане политического ноу-хау англосаксонскими королевствами.

вами, успешно растерявшими остатки римского наследия в общественной жизни.

Королевство лангобардов, возникшее поздно и на границе первого и второго кластеров, унаследовало фактически разрушенную римскую систему управления, прошедшую через жернова вторжений варваров, византийской реставрации и общего хозяйственного упадка. К VII в. политическая инициатива римского типа была представлена здесь лишь фоновым влиянием Византии, сохранявшей владения в Италии, т.е. носила внешний характер. Сами лангобарды, по понятным причинам, в области политогенеза отставали и их относительный успех определялся в основном исключительной мощностью римского наследия даже в деградировавшем состоянии. Впрочем, падение этого государства было предельно закономерным.

Весьма показательны судьбы алеманнов, тюрингов и баваров, сделавших робкий шаг по пути государствообразования внутри третьего кластера или на границе такового с шестым. Не имея ни собственной, ни римской политической традиции в активе, они не продвинулись дальше племенных псевдокоролевств и вскоре были подмяты франками. Саксы, разделившие их судьбу, не успели сделать даже первых шагов на пути политогенеза.

Увы, менее показателен в смысле преемственности политогенез у славян, хотя источники в данном случае весьма скудны. Так, государство Само (620–650-е годы), возникшее на границе фактически всех шести кластеров, формировалось спустя два века после угасания Запада и в период явного ослабления влияния Византии. Его непрочность оказалась следствием, по сути, попытки создания государства из нежизнеспособных элементов.

Столь же эфемерным и гибридным, хотя и более жизнеспособным организмом оказалась Карантания, также находившаяся на границе нескольких кластеров и также возникшая в период упадка даже отголосков римской государственной традиции.

Болгарское царство, продукт гибридизации славянских и тюркских племенных групп в пятом кластере, оказалось жизнеспособным в силу его длительного следования в русле византийской политики – во всяком случае, в раннее Средневековье.

Сребские ранние политики долго существовали в рамках четвертого и пятого кластеров, однако, по сути дела, внутри Византии,

только к IX в. обретя подлинную политическую инициативу и суверенность.

Обратим внимание, что у сербов, как и у чехов, поляков, восточных славян, а также у скандинавских племен Северной Европы, активизация политогенеза произошла достаточно синхронно в середине – конце IX в. Это, безусловно, не случайно. К тому времени следы римского политического влияния исчезли фактически во всех кластерах, кроме Византии. Однако наступило новое время – время синхронной активизации империи франков под руководством Карла Великого и Византии, постепенно оправлявшейся от кризиса иконоборчества и выходявшей на новый (как оказалось – последний) виток своего расцвета. В сущности, это время можно рассматривать уже как отдельный период. Период новоимперский, имеющий с прежним Римом связь достаточно декоративную и скорее умозрительную. Влияние Римской империи, аккумулировавшей политическую традицию Античности и доведшей ее до совершенства, сошло на нет. Новые акторы международной политики исходили из своих возможностей и амбиций, используя классическую традицию скорее как оправдание и способ легитимизации собственных властных интересов.

В силу этого рассматривать политогенез в четвертом и шестом кластерах после IX в. как развитие римского наследия в общем и целом некорректно. Мы можем говорить лишь об опосредованном римском влиянии на эти процессы. Важно и то, что этот регион требует отдельного и пристального анализа, а это проблематично в заданном объеме статьи. Например, в части воздействия на процессы политогенеза на Европейском Севере и в Восточной Европе такого важного политического инструмента, как церковная организация, имеет место безусловное перекрестное влияние западной и восточной традиций. В этом смысле уместно говорить об изменении границ выделенных нами кластеров и их смещении в конце раннего Средневековья.

Подведем итоги. На постримском пространстве отчетливо выделяются шесть кластеров переживания политической имперской традиции. Их модуляторами выступают как влияние Востока и Запада Большого Средиземноморья, так и этапы постепенного широтного освоения античной цивилизацией европейских пространств. Каждый из четырех южных кластеров выступал как вполне обособленная зона формирования внутренней римской или греческой политической парадигмы, основанной на степени и глу-

бине романизации / эллинизации, длительности знакомства с республиканским / имперским комплексом социальных ценностей, традициями субстратного населения. Два северных кластера отличались лишь длительностью этногенеза (кельты, германцы и финноугры – раньше, балты и славяне несколько позже) и вовлеченностью в западно- или восточноримские связи посредством в основном престижных импортов. В результате с началом обрушения контура империи политогенез в каждом из образовывавшихся в V–VII вв. варварских государств имел четкую привязку к особенностям того кластера, на территории которого он осуществлялся.

Как представляется, данная конструкция придает логическую стройность и определенные (едва ли не математически просчитываемые) характеристики всем государствообразовательным процессам постимперской Европы периода Темных веков и в целом раннего Средневековья.

A.A. Khlevov*

Barbarian politogenesis of postroman Europe: models and results

Abstract. The political present of the Europe in its geographical understanding is to a decisive extent determined by the historical retrospective and traditions, which mainly originate from the border of antiquity and the Middle Ages. The formation of the complex of European ethnic and regional identities, for the most part, took place in the second half of the 1 st millennium AD. e., and finally it took shape in modern times. That is why the initial stage of the “birth of Europe” is closely related to the problems of post-Roman influence or direct Roman tradition, as well as the regional characteristics of the barbarian social organisms themselves, which at times were extremely variable. The basic division into Western Romanesque and Eastern Romanesque models of early political genesis (according to G.S. Lebedev) undoubtedly needs multiple clarifications. Based on the explanatory and heuristic potential of the concept of S. Rokkan and S. Lipset, primarily the conceptual map of Europe, extrapolated to earlier eras, the article attempts to detail the geopolitical map of the Dark Ages and the early Middle Ages in general, the correlation of the six geographical clusters identified with the processes politogenesis in post-Roman Europe. The focus is on the role of the imperial legacy (unique in each cluster) in the formation of the early barbarian kingdoms and their destinies. The methodological basis for the analysis of early political genesis is the concept of the dominance of the military factor in the creation and transformation of social and political-administrative structures of barbarian kingdoms and early medieval states

* **Khlevov Aleksander**, Sevastopol State University; Lomonosov Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russia), e-mail: khlevov@mail.ru

(C. Tilly, F. Stanton, C.W. Hollister, C. Petit-Dyutailly, etc.). It is also noted that the “Frankish model”, supplemented by the less viable Eastgothic, Visigothic and Burgundian, clearly opposes the North and East European models of the early Middle Ages finale. The key importance in the article is given to the definition of the boundaries of the regions and the qualitative differences of the Roman heritage within them, as well as to the peculiarities of the barbarian systems of socio-political self-organization. The main task is to clarify and detail the picture of “two Europes”, defined by the line of the Roman border and having a decisive influence on the political events of our time and the foreseeable future.

Keywords: early political genesis; post-Roman Europe; Roman Empire; barbarian states; Conceptual Map of Europe; the Greater Mediterranean; Northern Europe.

For citation: Khlevov A.A. Barbarian politogenesis of postroman Europe: models and results. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 138–156. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.05>

References

- Allardt E., Valen G. Stein Rokkan: An essay on intellectual biography. In: *Political science: the scientific heritage of Stein Rokkan*. Moscow: INION RAN, 2006, P. 16–45. (In Russ.)
- Eisenstadt S.N., Rokkan S. *Building states and nations*. Beverly Hills: Sage publications, 1973, Vol. 2. P. 20–48
- Gutnova E.V. *Historiography of the history of the Middle Ages*. Moscow: Higher. School, 198, 495 p. (In Russ.)
- Ilyin M.V. *Essays on chronopolitical typology. Problems and possibilities of typological analysis of evolutionary forms of political systems*. Moscow: MGIMO, 1995, 140 p. (In Russ.)
- Ilyin M.V. Chronopolitical dimension: beyond everyday life and history. *Polis. Political studies*. 1996, N 1, P. 55–77. (In Russ.)
- Ilyin M.V., Barsukova A.V. Stein Rokkan's conceptual map of Europe. *International trends*. 2019, Vol. 17, N 4, P. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.1> (In Russ.)
- Khlevov A.A. Baltic civilization and European unity of the early Middle Ages. In: Lebedev G.S. (ed.). *Divinets Staroladozhsky. Interdisciplinary research*. Saint Petersburg: Publishing house of SPbSU, 1997, P. 125–130. (In Russ.)
- Khlevov A.A. *Historical and cultural phenomenon of Northern Europe I-VIII centuries: diss. to apply for an Doctor of Philosophy: 24.00.01*. St. Petersburg State University, Saint Petersburg, 2002, 468 p. (In Russ.)
- Khlevov A.A. *A short course in the history of the Middle Ages*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, Publishing house of the Russian Christian Academy for the Humanities, 2006, 259 p. (In Russ.)
- Khlevov A.A. *A brief history of the Middle Ages. Era, states, battles, people*. Saint Petersburg: Amphora, 2008, 365 p. (In Russ.)
- Kluckhohn C.K.M. *Mirror for man: The relation of anthropology to modern life*. Saint Petersburg: Eurasia, 1998, 352 p. (In Russ.)

- Kruglikova I.T. *Anapa 2500 years old*. Anapa: Il'Tan, 2007, 94 p. (In Russ.)
- Larsen S.U. The modelling of Europe in S.Rokkan's logic. *Polic. Political studies*. 1995, N 1, P. 39. (In Russ.)
- Lebedev G.S. *The Viking age in Northern Europe*. Leningrad: Publishing house of Leningrad university, 1985, 286 p. (In Russ.)
- Lebedev G.S. *The Viking age in Northern Europe and Russia*. Saint Petersburg: Eurasia, 2005, 640 p. (In Russ.)
- Political Science. Socio-political delimitation and consolidation of party systems*. Moscow: ISSS RAS 2004, N 4, 243 p. (In Russ.)
- Petit-Dutailly C. *Feudal monarchy in France and England X-XIII centuries*. Moscow: State Socio-Economic Publishing House, 1938, 410 p. (In Russ.)
- Phaedo. In: Plato. *Collected works in four volumes*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University: "Publishing house of Oleg Abyshko", 2007, Vol. 2, P. 11–96. (In Russ.)
- Razin E.A. *History of military art, in 3 volumes: Volume 2. History of military art of the 6th-16th centuries*. Saint Petersburg: LLC "Polygon Publishing House", 1999, 655 p. (In Russ.)
- Rokkan S. Center-peripheral polarity. In: *Political science: scientific heritage of Stein Rokkan*. Moscow: INION RAN, 2006 a, P. 80–109. (In Russ.)
- Rokkan S. Cities, states and nations: a spatial model for studying differences in development. In: *Political science: the scientific heritage of Stein Rokkan*. tr. Moscow: INION RAN, 2006 b, P. 49–79. (In Russ.)
- Rokkan S. Methods and models in a comparative study of the formation of nations. In: *Political science: scientific heritage of Stein Rokkan*. Moscow: INION RAN, 2006 c, P. 110–143. (In Russ.)
- Spengler O. *The decline of the West (In two vol.)*. Moscow: Thought, 1998. (In Russ.)
- State formation, nation-building, and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan*. Oxford: Oxford university press, 1999, 422 p.
- Tilly Ch. *Coercion, capital and European states*. A.D. 990–1992. Moscow: Publishing House "Territory of the Future", 2009, 328 p. (In Russ.)
- Tilly Ch. War making and state making as organized crime. In: Evans P., Rueschmeyer D., Skocpol T. (eds). *Bringing the state back in*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, P. 169–191.

Литература на русском языке

- Аллардт Э., Вален Г. Стейн Роккан: очерк интеллектуальной биографии // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана: Сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 16–45.
- Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. – М.: Высш. шк., 1985. – 495 с.
- Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. – М.: МГИМО, 1995. – 140 с.

- Ильин М.В.* Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 1. – С. 55–77.
- Ильин М.В., Барсукова А.В.* Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 6–21. – DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.1>
- Клаксон К.К.М.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. – СПб.: Евразия, 1998. – 352 с.
- Кругликова И.Т.* Анапа 2500 лет. – Анапа: ИльТан, 2007. – 94 с.
- Ларсен С.У.* Моделирование Европы в логике Роккана // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 1. – С. 39.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – 286 с.
- Политическая наука. Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – № 4. – 243 р.
- Пти-Дютайи Ш.* Феодалная монархия во Франции и Англии X–XIII вв. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 410 с.
- Разин Е.А.* История военного искусства: в 3 т. Т. 2. История военного искусства VI–XVI вв. – СПб.: ООО «Издательство Полигон», 1999. – 655 с.
- Роккан С.* Центр-периферийная полярность // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2006 а. – С. 80–109.
- Роккан С.* Города, государства и нации: Пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2006 б. – С. 49–79.
- Роккан С.* Методы и модели в сравнительном исследовании формирования наций // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2006 с. – С. 110–143.
- Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 328 с.
- Федон* // Платон. Собрание сочинений в четырех томах / общая редакция А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – Т. 2. – С. 11–96.
- Хлевов А.А.* Балтийская цивилизация и европейское единство раннего средневековья // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования / отв. ред. Г.С. Лебедев. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 125–130.
- Хлевов А.А.* Историко-культурный феномен Северной Европы I–VIII вв.: дис. ... д. филос. н. – СПб., 2002. – 468 с.
- Хлевов А.А.* Краткий курс истории средних веков. – СПб.: Изд-во СПбГУ, Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2006. – 259 с.
- Хлевов А.А.* Краткая история средних веков. Эпоха, государства, сражения, люди. – СПб.: Амфора, 2008. – 365 с.
- Шпенглер О.* Закат Европы : в 2 т. – М.: Мысль, 1998.